

Детям блокадного Ленинграда посвящается

от учителей и учащихся
школы №45 Приморского р-на
Санкт-Петербурга

2010 год

В сборнике представлены материалы из опыта работы педагогического коллектива школы по воспитанию патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения, а также стихи и воспоминания ветеранов-блокадников, друзей школы. Сборник предназначен для классных руководителей, учителей-предметников для использования в работе, а также для учащихся и их родителей.

Материалы сборника подготовлены коллективом учителей и учащихся 11Б класса ГОУ №45 с углубленным изучением математики Приморского района Санкт-Петербурга под редакцией заместителя директора по опытно-экспериментальной работе Бондарь Е.Д.

Коллектив выражает благодарность Обществу жителей блокадного Ленинграда микрорайона Муниципального образования «Озеро Долгое» за предоставленные воспоминания, а также директору школы Юшмановой Ларисе Петровне за инициативу и поддержку в поисковой, проектной и исследовательской деятельности учащихся.

Наталья Николаевна Андреева,
учитель русского языка и литературы

Взгляд из XXI века

Блокадные ночи – как черные птицы.
Я хроники горя читаю Страницы.
И жгут, и пугают, и в сердце стучат.
И как метроном, - не молчат, не молчат.
Мои Ленинградцы – вы гордость и боль,
Примите от нас преклоненье, любовь.
Ваш подвиг великий всегда будем чтить.
И внуки и правнуки будут любить
Тебя Ленинград, Петроград, Петербург.
Такую любовь заслужил ты не вдруг.
Ты смог разорвать той блокады кольцо,
У всех ленинградцев такое лицо:
В нем боль, и победа, в нем радость – печаль
Погибших и умерших тысячи! Жаль....
Блокадникам всем и любовь и почет,
И наша признательность в сердце живет.

Как быстро летят годы! Вот уже прошло 66 лет с того дня, как была полностью снята блокада Ленинграда. Этот день для ленинградцев – святой, он для них – как праздник Победы.

Да, он был одним из тех шагов, которые и привели нас к победе. Такой великий и страшный шаг сроком в 900 дней и ночей!

Сейчас, когда ветераны войны и дети блокады вспоминают это страшное время, нас охватывает чувство гордости за людей, которые в голоде, холоде, под бомбежками доказали, что жизнь сильнее смерти, как добро сильнее зла. Мы слушаем их истории и думаем о том, что ни один враг на свете не мог представить себе, что люди могут выдержать такие испытания. Но эти люди – Ленинградцы – смогли! Несмотря ни на что, в городе работали школы, театры, заводы, а голодные и истощенные люди трудились, делали все для фронта, для Победы.

Ученики нашей школы с победным номером 45 всегда рады общению с ветеранами. Они пишут им стихи, рассказы, сочинения. Они, дети XXI века, хотят сохранить в веках историю Великой Отечественной и рассказать правду о ней грядущим поколениям. Они имеют свой взгляд на происходившее 66 лет назад.

Вот строки из сочинения ученицы 5 в класса **Авраменко Екатерины:**

«Под свистом пуль, под воем бомб
Наш город отстояли
И голод и бомбежки их,
Ленинградцев, не сломали.
Не удалось фашистам ведь
Наш Петербург занять
И он теперь во век веков
Красой будет сиять!..

Для каждого Петербуржца 27 января – особенный день. Ведь именно в этот день из репродуктора были услышаны слова: «...Решена задача исторической важности –

город Ленина полностью освобожден от вражеской блокады и варварских артиллерийских обстрелов...», именно в тот день грянуло громовое «Ура!» возвестившее о конце блокады...

Но не только об этом вспоминается. Вспоминается голод, холод тех дней. Вспоминаются люди, для которых съесть кусок хлеба и тарелку горячего супа было счастьем. Тогда, люди, голодные, уставшие, шли на заводы и фабрики, отдавая все силы для изготовления оружия, необходимого фронту.

Ленинградцы сами строили оборонительные укрепления, сами рыли окопы, траншеи и помогали, как могли, армии. Дети, подростки становились за станки рядом со взрослыми и работали по 2-3 смены в сутки.

И никогда не стереть из нашей памяти героизма родного города и его жителей.
Мы всегда будем помнить те 900 дней, чтобы они больше не повторились!»

А вот строчки **Котова Александра**, ученика 11а класса:

Сердце пташкою бьется в груди
От безудержной скорбной печали.
Лишь оно одно не молчит
Там, где все уже замолчали.

Только с сердцем в такт метроном,
Свой привычный ритм отбивая,
Погружает в голодный сон,
Ненадолго жизнь продлевая.

Холод лютый заставил уйти
Всех родных, кто так был мне дорог.
Я от сна не очнусь, ты прости,
Мой любимый и вечный город!

Наверное, в истории Великой Отечественной войны нет более тяжелой страницы, чем история блокадного Ленинграда. Весь мир преклоняется перед подвигом нашего города. 900 дней и ночей ленинградцы, взрослые и дети, мужчины и женщины делали для победы всё: кто что мог. Кто-то воевал на подступах к городу, кто-то по льду Ладожского озера под бомбёжкой, на грузовиках вёз ленинградцам хлеб, кто-то тушил зажигалки на крышах, а кто-то вдохновлял людей на победу музыкой и стихами. Это наши отцы и деды, бабушки и матери.

27 января 1944 г. – день полного снятия блокады, и с тех пор для нас – это наш ленинградский день Победы. Каждый год в этот день наша школа принимает блокадников и устраивает для них праздник. Встречи, воспоминания, радость и слёзы – вот что мы видим на их лицах. И от всей души наши ребята дарят героям-ленинградцам стихи, песни, устраивают концерты.

К сожалению, с годами блокадников становится всё меньше, но наша любовь и гордость за них не убывает. Ведь «...никто не забыт, ничто не забыто».

А вот стихотворение
Осиповой Дарьи,
ученицы 11а класса:

Моя бабушка

А бабушка моя блокаду не забыла,
Но как она её пережила?!?
Она бледнеет, вспомнив то, что было,
И голова её белым-бела.

Когда услышит имя «Шостакович»
по радио,

Она всегда встаёт,
Иль гордую Берггольц, - читает
повесть

о ленинградцах.

Цифра 900 её приводит в сильное
волнение,

Как будто снова слышит артобстрел.
Как вспомнит все блокадные мученья,
То цвет лица становится как мел.
А было ей тогда всего 15,
Она была ровесницей моей.

Чем только не пришлось ей
заниматься:

Тушить пожары, и спасать детей,
И хоронить своих родных и близких,
Блокадный хлеб по крошкам собирать.

Она всегда хотела стать артисткой
И очень не хотела умирать.

Я бабушку свою поздравить рада,
Нельзя нам этот подвиг забывать.
Не много тех, кто пережил блокаду,
Так будем их ценить и уважать.

* * *

Валентина Валентиновна Горячая,
председатель общества ветеранов-
блокадников микрорайона

**«Никто не забыт и ничто
не забыто!»**

Дорогие ребята! Этот лозунг для всех нас является особенно значимым в дни памяти, и мы, ветераны - дети блокадного Ленинграда, всегда признательны вам и вашим учителям, когда вы приглашаете нас в гостеприимные стены своей школы. Когда мы смотрим на вас, становится спокойней за завтрашний день. Пока есть такие внимательные, умные и добрые дети, как вы, наши сердца полны надежды на лучшее будущее для нашего многострадального Отечества и нашего замечательного города.

Каждый месяц мы собираемся в вашей школе, для того чтобы обсудить насущные проблемы, помочь кабинету ОБЖ в работе штаба гражданской обороны. Мы благодарны вашему учителю Кормаловой Светлане Ивановне за возможность познакомиться с работой вашей школы в этом направлении.

Дарю всем вам свои личные воспоминания:

«22 июня 1941 года я вместе с мамой и двумя братишками ходили в ДЛТ (Дом Ленинградской Торговли) купить среднему брату Володе обувь. Он должен был

поехать в санаторий. Потом мы пошли к маминной подруге в гости; это было воскресенье. Подходим к кинотеатру «Баррикада», а там целая толпа народа, стоят под репродуктором и слушают. По радио выступал Молотов, он говорил о том, что на нашу Родину в 4 часа утра напали фашистские войска, нарушив «Пакт о ненападении». Фашисты быстро продвигались по нашей стране, захватывая населённые пункты и города. Так началась Великая Отечественная война.

Немцы быстро продвигались, и уже 6 сентября 1941 года была первая бомбёжка города. В начале войны, в конце июня, мама отправила меня и брата в эвакуацию со школой. Нас повезли сначала в Старую Руссу.

Приехав вечером, мы не разгружали машины с нашими вещами. Нас наскоро покормили сухим пайком и скорее, пешком отправили на станцию. А младшие ребята поехали на машинах с учителями и пионервожатыми. Мы, ребята, бежали среди хлебов. Что это было, пшеница или что другое, не знаю. Немецкие самолёты летали над нами так низко, что мы видели их улыбки. Мы были удивлены, что нас не расстреляли: наверное, не было снарядов.

Вдруг впереди загорелись поля, и мы кинулись бежать. Между этими полями проходила тропинка, и по ней мы бежали. Прибежали на станцию, а там состав, в котором мы должны были ехать, уже ушёл. В него погрузили детские садики, а вскоре фашисты разбомбили мост, по которому шёл состав, и все дети погибли. Нас отправили на другую станцию, туда нас красноармейцы отвезли на машинах. Нас погрузили в товарные вагоны и повезли.

Приехали на станцию Никола-Полома Ярославской области. Отвезли в лес, и здесь мы стали жить. Здесь я встретила своего брата – он был маленький и ехал на машине. В этом лесу мы впервые узнали, что такое голод. Нас почти не кормили. Мы, ребята постарше (мне было 11 лет), собирали грибы, траву, листья. Если травка или листочек были горькие, мы выплёвывали их, а грибы нанизывали на прутик и жарили, и если вкусные, ели. Ежедневно писали мамам письма, чтоб они забрали нас домой.

И вот, наконец, наша мама приехала и забрала нас. С нами были ещё трое ребят с нашей улицы Халтурина. Вечером 6 сентября 1941 года мы приехали на Московский вокзал. Нас вёз молодой машинист. Он так вёл состав, что, казалось, мы находились в разбушевавшемся море – так качало вагоны. Наш состав оказался среди последних, что прибыли в Ленинград.

8 сентября 1941 года фашистами была занята Мга, и началась 900-дневная, страшная блокада. В нашем доме жил дядя Вася-дворник. У него была большая семья, и когда немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады, он собрал нас, ребят, и поехал с нами на склад. Там мы собирали землю: она была сладкая, так как это был склад сахара. Мы собрали эту землю в мешки, и

дома мама растворила её в воде, затем процеживала через несколько слоёв марли, и мы пили эту воду.

20 ноября 1941 года было самое большое снижение поставки хлеба: рабочим и ИТР по 250 г, а всем остальным, в том числе и детям, 125 г и всё – больше ведь не было ничего, да и хлеб был из чего угодно, но только не из муки. Запасов продуктов у ленинградцев не было. Не стали работать электричество, водопровод, канализация, отопление, не было дров. Вот тогда появились так называемые «буржуйки» - эти железные печки, трубы от которых вставлялись в форточку, но самое главное, что для неё требовалось очень мало дров. В этой «буржуйке» сгорела вся мебель, перины и всё, что может гореть.

Во время налётов наше радио сообщало: «Внимание, внимание, внимание! Воздушная тревога!», затем включали метроном до конца тревоги, а затем передавали: «Отбой воздушной тревоги!» и так повторяли три раза. Так же объявляли расстрел снарядами, но тут ещё говорили, какая сторона улицы наиболее опасна. Когда начиналась тревога, мы поднимались на чердак гасить зажигательные бомбы.

Пока была вода, запасённая в бочках, мы гасили их в бочках. Зимой вода замёрзла, и мы засыпали бомбы песком или скидывали их на землю в снег, там кто-нибудь из наших закидывал их снегом. Смотрели через окно на чердаке, куда падали фугасные бомбы и, если близко, то после отбоя спешили на помощь разбирать завалы.

Осенью ленинградское правительство подготовило план постройки дороги через Ладожское озеро. Зима 1941-1942 годов была ранняя и очень суровая, был сильный мороз, и выпало много снега. Озеро рано замёрзло, и уже 22 ноября по Ладожскому льду прошёл санный обоз с мукой, а на следующий день пошли полуторки с продуктами в Ленинград и назад с людьми до Кабоны. Дорогу эту ленинградцы назвали «Дорога жизни».

Уже 25 декабря 1941 года была первая прибавка хлеба: рабочим и ИТР по 500 г, а всем остальным по 300 г и ещё давали понемногу сахара, крупы и ещё чего-нибудь. Так как в Ленинграде было много снега, люди протапывали тропинку и получались с обеих сторон сугробы. Так как электричества не было, нам прикрепляли маленькие круглые светлячки, они слабо светили, но, идя друг другу навстречу, мы не сталкивались, а сверху фашистам их не было видно.

Весной 1942 года все ленинградцы вышли на уборку города, ведь за зиму накопилось много снега и грязи. Нам, ребятам, привязывали к фанере верёвку, продевали её под мышки, и взрослые клали на фанеру куски снега, грязи, но ни разу ни одному из нас не положили покойника, а их было много. Мы подвозили фанеру к спуску на Неве и здесь краснофлотцы сбрасывали грязь в невские воды, а мы ехали за новой

порцией. Наш родной Ленинград был убран за несколько дней и был такой чистый!

15 апреля 1942 года пошёл первый трамвай, и сколько было радости не только у ребят, но и у взрослых!

Весной нам выдали участки земли под огород. Наш участок был на углу Марсова поля, близко к 41-му почтовому отделению, ведь наша мама там работала. Дали нам семена свеклы, глазки картофеля, ещё турнепса. Осенью мы собрали урожай и были так счастливы, что впервые мы сами посадили огород. Летом собирали крапиву и лебеду, варили щи и пекли лепёшки.

Зима 1942-1943 была не такая морозная. Работали водопровод, канализация. С осени в доме стали давать электричество, за лето запаслись дровами. Тогда же по Ладогe перевезли продукты, так что не было уже такого голода, как зимой 1941-1942 годов.

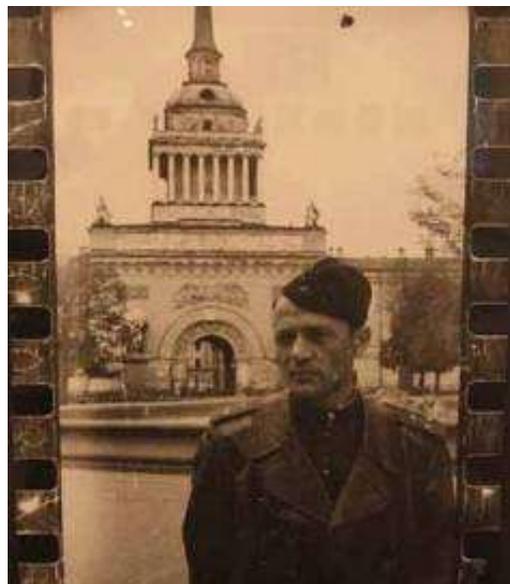
Все ленинградцы ждали прорыва блокады, и вот настал счастливый день 18 января 1943 года, когда была прорвана блокада. Как все ликовали! Незнакомые люди обнимались, целовались и плакали. Всюду были слышны крики «Ура!». Но фашисты продолжали нас бомбить и обстреливать. Последний авианалёт и последний день бомбёжки был 17 октября 1943 года. И только 22 января 1944-го был последний обстрел города. Несмотря ни на что, наш родной город жил, боролся и ждал полного снятия блокады. В городе стало больше военных, что тоже говорило, что недолго ждать. Мы ложились спать и думали – утром встанем и услышим голос Левитана или Маграчёва, что блокада снята. И вот настал тот самый счастливый день 27 января 1944 года, когда на всю страну из Ленинграда по радио прозвучали слова «Ленинград свободен! Блокада снята, мы соединились с нашей Родиной! Враг отброшен от Ленинграда, и наши войска гонят фашистов с нашей Родины!». Вечером был дан салют в честь нашего освобождения. Это был такой салют, который больше не повторялся, тогда, казалось, даже камни стреляют.

Мне очень нравится стихотворение, которое написала 28 января 1944 года **Маргарита Алигер:**

Салют

Нет, не просто город, ряд строений,
Улицы, деревья и дома.
Это – Смольный, это город Ленина,
Это революция сама.
Нет, не просто город. Били пушки
Не в обыкновенные дома.
Это город – Лермонтов и Пушкин,
Русская поэзия сама.
Устоял он!
Подошла расплата. Армия пошла!
«Ура! Родина!». Да будет трижды свято
Молодое имя – Ленинград!
Пусть в веках прославится минута
Та, когда победною волной
Грохот Ленинградского Салюта

Грянул над притихшею страной.
Мы его в сердцах своих повторим -
Пусть они с тобой ликуют в лад,
Не сожжённый ни огнём, ни горем,
Гордый, Вольный, Славный Ленинград!

Мы пережили муки голода и холода, не боялись погибнуть от бомбы или снаряда. Нам так хотелось дожить до Победы! И все мы дожили и победили, несмотря на то, что ещё больше года нужно прожить. Хотя в городе не было голода, люди умирали от истощения. Сама природа заботилась о нас: не было сильных морозов, снега было

мало. В квартирах было тепло и светло. Часто были прибавки продуктов. По радио ежедневно сообщали об освобождении наших городов и сёл. И, наконец, наши войска освободили всю нашу страну. Помогая освобождать порабощённые страны, наши доблестные красноармейцы взяли Берлин, и настал такой долгожданный день Победы!

Началась мирная жизнь, восстанавливались дома, заводы, фабрики. Многие из нас, детей, стали взрослыми. Старшие пошли работать, а после работы шли на стройки. Мы, помладше, тоже не сидели дома, помогали, как могли, были подсобниками.

Я записала стихотворение блокадницы **Кучинской Л.** к 60-летию прорыва блокады:

Ни вам, ни вашим детям – даже внукам!
Не надо через это проходить!
Пусть хватит мук на двадцать поколений,
Что враз легли в тот сорок первый год
На плечи воина, матери, ребёнка и старика!
В тот страшный день на нас обрушилась
война,
Мы стали взрослыми, а юноши бойцами,
Отцы и матери ушли от нас на фронт,
Оставив нас, детей, в пустых квартирах
Надеясь лишь на мудрость стариков, на их
любовь

И бабушки нашили нам котомки,
Надели внукам их через плечо,
К груди прижали и перекрестили:
«Пусть Бог спасёт, пусть Бог спасёт!».
Деды давали нам свои советы,
Какой трамвай до поля довезет,

Что стало под бомбежкой полем боя,
Учили нас заранее ценить картофель
мерзлый,

Каждый капустный лист.
Они, что будет, знали наперед.
И в ожидании наших возвращений
За каждый час год жизни отдавали!
Спасибо вам за то, что были вы

В час горький, трудный час так близко с нами.
За то, что мудрость ваша нас спасла.
Вы научили нас лучину жечь,
Из лебеды, крапивы печь лепешки,
И, научив, не жалуясь, ушли,
Чтобы обузою не стать для Ленинграда,
Ушли, молясь, чтоб были живы мы.
Мы живы!
Мы любим вас и ходим к вам туда,
Где три березы на одной растут.
На Пискаревку к вам несем цветы.
Мы помним вас!
Мы помним вас!»

Пуськова Людмила Николаевна,
учитель начальных классов

Патриотическое воспитание

Жизнь человека – только миг.
В безбрежном времени вселенной,
И только в памяти живых
Она становится нетленной.
Всё это так. Да вот беда,
Что забываем иногда,
Откуда мы, кто наши предки?
Такие случаи нередки.
Заставить нас забыть о них
Не должен злой народа гений -
Уйдя из памяти живых,
Исчезнет много поколений.
Одной мы связаны судьбой,
Одной семьёй, единой кровью.
Потомки станут нам с тобой
Надеждой, верой и любовью.
И дух наш, продолжая жить,
Во внуков, правнуков вольётся.
И никогда не оборвётся
Веков связующая нить...

Природа, родители, родственники, Родина, народ – не случайно однокоренные слова – это своеобразное пространство патриотизма, в основе которого лежат чувства Родины, родства, любви. Это чувство необходимо, ибо мы не выбираем родителей, детей, Родину, место своего рождения.

Мои ученики многое знают о судьбе своей страны, о блокадных днях нашего города. Интересуются всем: как жили, что делали, чем занимались их сверстники. Это мы узнаём из книг, фильмов. И, конечно, очевидцы: их прабабушки, прадедушки, бабушки и дедушки. Они приходят к нам на уроки Мужества со своими фотографиями, документами. И тогда мы зажигаем свечи...

Слушаем внимательно волнительные воспоминания старших.

Мои дети - частые гости в Доме Ветеранов. Наши добрые друзья – Савченко Лидия Михайловна и её супруг Николай Ефимович – дети Блокады.

И в этом году 27 января они снова были у нас. Лидия Михайловна со слезами на глазах рассказывала о тяжёлых блокадных днях.

Пять лет назад к 60-летию Победы мы 11 раз выступали перед Ветеранами.

И к 65-летию Великой Победы мы снова порадуем наших старших друзей весёлым танцем, который готовим уже сейчас в студии «Лучик».

Я тоже делюсь с детьми воспоминаниями моих родственников, где семья Пуськовых – наглядный пример самоотверженности и любви к своей Родине. Это Пуськов Михаил Степанович - капитан 1 ранга, отец моего мужа Пуськова Александра Михайловича - капитана 2 ранга в запасе. Михаил Степанович прошёл всю Великую Отечественную войну, защищая нашу страну от фашистских полчищ.

Пуськов Михаил Степанович. 18.11.1918.

Со слов сына, Пуськова Александра Михайловича:

"В 1938 г. по комсомольской путевке призван на флот на учебу в ВВКУ им. М.В. Фрунзе. С началом Великой Отечественной войны в августе училище эвакуировано в Астрахань, а в ноябре произведен ускоренный выпуск.

Пуськов М.С. получил назначение командиром БЧ-2,3 на тральщик Северного флота. В 1946 году получил назначение в Ленинградское Нахимовское училище, занимал должности офицера-воспитателя, командира роты, старшего офицера учебного отдела. Награжден орденом Красного знамени, орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, двумя орденами Красной звезды, медалью «За боевые заслуги». Дети на примерах жизни взрослых понимают как важно любить родное Отечество.

Савченко Лидия Михайловна, дочь блокадного Ленинграда

Лицом к лицу с блокадой

Родилась я 9 марта 1936 года в городе Ленинграде, и была единственным ребёнком в семье.

Война застала меня на отдыхе в Малой Вишере, где я впервые «лицом к лицу», стоя в одиночестве на открытом пространстве, увидела немца в огромных очках в

пролетавшем надо мной на бреющем полете вражеском самолете. Смерть пролетела мимо.

Моя крёстная сфотографировалась со мной в самом начале войны и на оборотной стороне фотокарточки написала все данные обо мне. Это фото я носила на груди во время блокады. Я ходила в детский сад и от цинги нас спас большущий бутыль хвойной настойки, привезённый военным лётчиком – отцом одного из воспитанников.

Весной 1942 года умирают от голода мой двоюродный брат и бабушка; мама заболела, и я одна пошла в детсад. Второй раз смерть обошла меня стороной: соседка по квартире спасла от каннибала. Поэтому мама приняла решение эвакуироваться.

В августе того же года, во время переправы по Ладоге, две из трех барж, на которых везли детей, были потоплены во время авианалета. Так смерть третий раз прошла мимо меня.

Отец мой вернулся с фронта без ноги. Мы возвратились из эвакуации в октябре 1944 года и День Победы отпраздновали всей семьёй в Ленинграде.

Дарю вам свои стихи о тех страшных годах:

Памятник детям блокады

Вы памятник «детям блокады» видали?
- Стоит у дороги из камня цветок,
Он символ трагедии, символ печали,
Непрожитых жизней, надежд и тревог.

Тела истоньшались, глаза потухали,
И смех оборвался и голос умолк...
Он – память погибшим, он – гимн
пережившим
Весь ужас тех страшных «девятисот».

Сердца замирали в надежде и страхе:
Недетские горести выпали им –
И тем, кто не выжил, и тем, кто остался;
И памятник мертвым, и память живым.

Уж стали седыми «блокадные дети»,
Прошло полстолетья, а сердце болит.
И памятник этот, на постаменте,
Живым об ушедших забыть не велит.

Переправа по Ладоге август 1942 года

Зыбкий туман в неизбывную давность
Меня вновь зовет, увлекает
Мысли текучесть, времени плавность
Памятью оживает
Три баржи с детьми в безбрежности
озера,
Тревога на лицах людей:

В рассветном тумане средь тихого
говора
Гул самолетов слышней.

Вспучились воды. Глухие разрывы.
Недолгий налет, тишина.
Тумана и дыма рассеялись гривы,
Все ниже и ниже волна.

Притихли в испуге на палубе дети,
Прижавшись друг к другу сидят....
Одна только баржа, спасенных от
смерти,
Голодных доставит ребят.

* * *

Война перечеркнула детство
Крестом бумажным на окне,
Осыпала золою бедствий,
На долю выпавшей стране.

Она над сердцем наглумилась,
Осела в нем на самом дне;
Душа как льдинка надломилась,
И не оправилась вполне.
Мне детских тех переживаний
Хватило до конца бы дней,
Но горечь новых испытаний
На склоне лет еще страшней.
Мы бьемся, как в сметане мыши,
Стараясь сбить себе опору,
Наш голос снизу еле слышен
Тем, кто успел забраться в гору.

Война перечеркнула детство
Крестом бумажным на окне,
Ценой неисчислимых бедствий
Победа в той далась войне.

Блокадное
Тихих ночей забытье
Детскую душу качает.
Детство припомню свое:
Многое напоминает
Время блокадной поры-
Темным колодцем дворы,
Лестниц пролеты крутые...
Женщины немолодые,

В горе застывшем своем.

С мамой остались вдвоем.
Тихо буржуйка горит,
Носиком чайник свистит,
Воду для нас согревая.
«Спи, моя крошка, родная –
мама мне так говорит –
Гитлер нас не победит.
Скоро конец, дорогая,
Этой проклятой войне,
Голоду.
А тебе,
Купим ботинки». Играя,
Я засыпаю. Во сне
Вижу я сытое детство.
В горькое детство мое,
В трудное наше житье,
Сны мне остались в наследство.

* * *

Враг, до зубов вооруженный,
Стоял у городских ворот.

Притихший город, осажденный,
В нем – несгибаемый народ.

Город военный тревожный,
Шторами скрыты огни,
Это понять невозможно,
Как выживали в те дни.

Холодом сковано тело,
В страхе немеет душа,
Голод здесь властвует смело,
Жизнь беспощадно круша.

Черного хлеба кусочек –
Скудный блокадный паек.
Взрывы. Бомбежки средь ночи.
Прожектора яркий пучок.

Пожары кровавого цвета,
Их отблеск в оконном стекле,
От бомб, разорвавшихся где-то,
Коптилка дрожит на столе.

Приглушенный звук метронома
Стучит монотонно в висок.
Тревога (на улице, дома),
Дай передышки часок!

Горькая память не стынет,
А время уходит в песок.

* * *

Савонина Вера Михайловна,
дитя блокадного Ленинграда

Блокадное детство

Мы попросили Веру Михайловну рассказать о том страшном времени:

«В июне 1941 года нас, трёх сестрёнок – 6, 8 и 11 лет – вместе со школьниками и воспитателями увезли отдыхать в Новгородскую область, станция Окуловка, деревня Овсянка. Здесь и застала нас война. В деревне видели, что с самолёта сбросили вражеский десант. Детей и взрослых предупредили об этом. Наша группа вместе с вожатой собирали землянику на компот. Вдруг у куста увидели что-то странное. Это был несобранный парашют. А рядом вниз лицом лежал, не шевелясь, незнакомец. Вожатая, не поднимая шума, увела всех в лагерь. Там уже собирали вещи для эвакуации. За нами успела приехать мама. Поездом возвращались в Ленинград, а над нами был сильный воздушный бой. Когда мы проезжали какой-то посёлок, на наших глазах упал горящий фашистский самолёт. Впервые мы увидели эти чужие чёрные знаки. Потом, сидя дома с закрытыми наглухо окнами, по страшным тяжёлым звукам мы определяли фашистский самолёт.

Жили мы на Васильевском острове на ул. Наличной, 12. С первых дней войны наш отец ушёл на фронт. В 1943 г. он погиб в городе Сталино, похоронен в саду Краснополье (теперь Донецк).

Вместе с ленинградскими женщинами маму возили на Среднюю Рогатку (где теперь пл. Победы). Они строили блиндажи, рыли окопы, траншеи под проливным вражеским огнём. Осколком от разорвавшегося снаряда мама была ранена в ногу.

На работу и обратно домой их везли на полуторках. В сентябре я пошла во второй класс, сестра в третий, младшая оставалась дома. Наша школа №7 (теперь №4), ул. Опочинина, но учиться не пришлось.

*Школа №7 –
улица Опочинина,
1941 год,
перешли во 2-й
класс
Верочка
Рыбакова : 1 ряд,
4-я слева*

С 20 сентября там расположился госпиталь. Оставшихся детей перевели в подвал дома №6 по Шкиперке. В подвале стояли столы, скамейки. На столе коптилка, чернильница и ручка с пером. Полумрак, холодно, сыро, все сидели в пальто. У каждого ребёнка был противогаз. Без него из дома выходить было нельзя. Учительница рассказывала нам о дальних странах, о растениях, о животном мире и о том, что война скоро закончится, и что мы победим. С этими надеждами мы продолжали жить. Но с каждым днём детей приходило всё меньше и меньше. Последний раз было 5 человек. С середины сентября младшие классы не занимались.

Много людей погибло от голода, холода, от бомб и снарядов. Гавань бомбили постоянно. Здесь были воинские части, стояли самолёты, секретный военный завод. Над ул. Наличной висели аэростаты. Снаряд попал в соседний дом, погиб мальчик Юра десяти лет.

Напротив нашего дома сгорела двухэтажная игрушечная фабрика. 7-летняя сестрёнка ходила за оставшимися головешками для нашей «буржуйки».

Зима была суровая, мороз лютый. Дров нет. Водопровод замёрз. Света нет. Трамваи не ходили. И только наше дорогое радио (тарелка) поддерживало нас, а мы прислушивались к каждому слову диктора.

Старшая сестрёнка 11-ти лет каждый день ходила на Гаванскую ул. к булочной за хлебом. Очередь занимали с утра и ждали машину до вечера, но она не всегда приезжала. В один из зимних дней, когда сестрёнка получила на нашу семью 625 гр., какой-то мальчик вырвал у неё хлеб и с жадностью стал отламывать и есть. Сестрёнка плакала, но мальчик был сильнее её. Отломил ей кусочек и ушёл.

Эвакуировать нас мама не отдавала, боялась потерять. В бомбоубежище не ходили. В комнате в стенке было углубление – ниша. Когда по радио сообщали «воздушную тревогу», мы втроём вставали в нишу, и мама знала, где нас искать, если мы погибнем.

В основном лежали на кровати в платках, шапках, валенках и пальто. Мы были худые, маленькие старушки, и у всех цинга и дистрофия. От цинги по детским талонам в аптеке давали хвою. «Стандартную справку» для получения детских карточек выдавали в жилконторе.

10 апреля 1942 года в городе пошёл первый трамвай. Стали понемногу чистить улицы, по возможности, копать грядки.

Под нашей лестницей всю зиму лежали покойники. Весной их увезли на кладбище. Детей, оставшихся в городе, снова стали собирать в школу, но не в 7-ую, а в 9-ую на улице Остроумовой. Уже выростала травка: крапива, лебеда.

В землянке около школы варили обед, и по школьному талону нам давали суп из мороженой картошки, добавляя молотую древесную кору, «шротовые» (как их называла наша мама) котлеты из древесной муки (молотые опилки), добавляя подсолнечные жмыхи, дуранду. Мы ели со слезами, потому что всю зиму этого не видели.

Как мы остались живы? Трудно сказать. Наверно, потому что с нами была любимая и любящая нас золотая мама.

Мамы нашей давно нет – умерла от рака. От отца, к сожалению, письма не сохранились.

Наша фамилия от папы - Рыбаковы.

... Узнав о существовании школьного журнала «Форточка», я решила подарить всем вам, наши любимые дети, еще один подлинный исторический документ о том времени, когда мы были детьми. Вот это стихотворение, созданное годы спустя, но выстраданное до глубин моей души:

Блокада Ленинграда

Никогда не позабыть мне этих
Трудных 900 блокадных дней.
И пока живу на этом свете,
Не стереть их в памяти моей.

Помню, мы устали от бомбёжки,
Падая от голода и ран,
Хлеб с мякиною делили
понемножку,
Только чтоб никто не помирал.
В городе трамваи не ходили,
В доме было холодно и пусто,
А мы слабым голосом просили
Чёрный ломтик, чёрствый и
невкусный.

И мороз в ту зиму был суровый,

За водой ходили на Неву.
Голодом блокадным был окован,
Город мой стоял в огне, в дыму.

Каждый день соседи умирали –
Этого никак не позабыть.
До весны под лестницей лежали,

Некому их было хоронить.

На отца прислали похоронку
Чтобы выжить, чтобы устоять,
Мы остались с мамой – три
девчонки,
Так боялись маму потерять!

Она ездила на Среднюю Рогатку
Строить укрепления, блиндажи,
Дорогие мамы – ленинградки
Защищали наши рубежи.

На работу утром собиралась,
Вечером вернётся ли она?
За хозяйку в доме оставалась
Третьеклассница - сестра моя.

Ежедневно шла она за хлебом,
Крепко карточки зажав в кулак.
А под зимним ленинградским
небом
Стервенел и злился лютой враг.

Но бесстрашный маленький
ребёнок
Шёл домой печурку протопить,
А весной двух своих сестрёнок
Щами с лебедью накормить.

И однажды раненую, чуть живую
На руках принёс её солдат.
Спас от смерти девочку родную,
И сказали мы: «Спасибо, брат!».

А над городом свистели пули.
Рвались бомбы, землю бороздя.
Падали измученные люди,
Утром на работу уходя.

С книжками, с противогазной
сумкой
Мы ходили в школу каждый раз.
Но сказал учитель нам однажды:
«Временно оставим мы свой класс.

Встретимся, когда прогоним
немцев,
Разобьём фашистов-палачей.
Улыбнётся город нам, как прежде
Под сиянием солнечных лучей!

Вы не плачьте, не грустите, дети!
Непреренно соберёмся вновь.
Будете счастливей всех на свете,
Будет мир, и дружба, и любовь!»

Я иду по ленинградским улицам,
Вспоминаю прошлые года.
Никогда такое не забудется,
Не исчезнет память, никогда!

18. 01. 1973 г.

Материалы, предоставленные Григорьевой Ларисой Арсеньевной:

Письма с фронта

Очень интересные письма с фронта принесла для нас жительница блокадного Ленинграда Григорьева Лариса Арсеньевна. Очень трудно разобрать почерк, но мы постарались расшифровать текст, тем более на нем стоит гербовая печать со словами: «Просмотрено военной цензурой» и номером. Вот оно:

Добрый день.

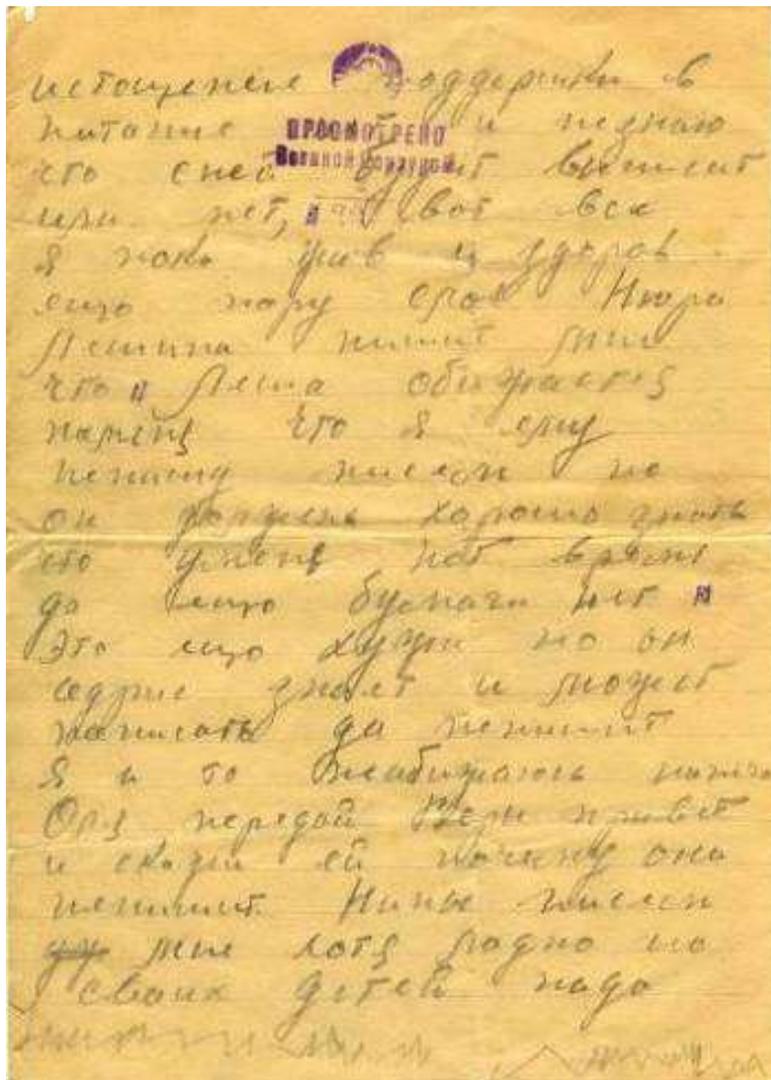
Здравствуйте, Мама и сестра Оля. Крестник Толька и Полина и Вовка. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни, главное, здоровья от сына вашего Арсения.

Дорогая Мамаша и сестра Оля, сообщаю, что посылку я вашу получил, за которую много раз благодарю. Я очень рад за носки и варежки и за остальные ваши гостинцы, которые я хотел переслать Марии с Лорочкой, в которых

они очень нуждаются, но от нас не принимают, и послать мне не удалось сейчас. Мария очень себя плохо чувствует, сильное истощение. Поддержки в питании нет, и не знаю, что с ней будет, выживет или нет, вот все. Я пока жив и здоров.

Еще пару слов. Нюра Лёшина пишет мне, что Лёша обижается на меня, что я ему не пишу писем. Но он должен хорошо знать, что у меня нет времени, да еще бумаги нет. Это еще хуже, но он ... знает и может написать, да не пишет. Я и то не обижаюсь ни на что.

Оля, передай Вере привет и скажи ей, почему она не пишет мне, хотя ладно...

Посмотрите на фотографию, это его письма...

Арсений Степанович Бороненков

*А вот письмо,
датированное 29 декабря
1942 года:*

Добрый день.

Здравствуй, дорогая сестра Ольга, сын и крестник Толька, Вовка и Полина. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в твоей жизни, главное твоему здоровью от брата вашего Арсения. Сестра Оля, сообщаю тебе, что письмо и посылку твою я получил. Не знаю, чем отблагодарить за твою заботу, что ты не забываешь меня, но это я и сам знал, что кроме тебя никто не пришлет. Сестра Вера совсем и писем не пишет. А я, в

первую очередь, просил брата Лешу, но про тебя, я знал, возможно, не с чего, да и тяжело. Но, оказывается, никто не послал, кроме тебя, дорогая сестра. Если вернусь жив и здоров, я никогда не забуду этого и благодарен буду тебе за все твое хорошее, сестра Оля.

Ты пишешь, если нужно денег, то ты пришлешь. Дорогая сестра, насчет денег ты не беспокойся. Я в деньгах не нуждаюсь, и мне покупать здесь нечего, и также ты пишешь насчет посылки вторичной. Дорогая сестра, большое спасибо тебе, что ты послала для меня самое необходимое, но сейчас питания для меня вполне достаточно, и ты обо мне не беспокойся. Но я прошу, если можно, то постарайся для Маруси с Лорочкой. Посуши картошки и сухариков, вот они нуждаются в этом. А я сейчас обеспечен питанием хорошо.

Сестра Оля, писать больше нечего. Привет передай матери. Пиши все, что есть нового. Сестра Оля, ты пишешь насчет Коли, что один год три месяца нет от него известия. Да, дорогая сестра, я прошу тебя, ты не плачь и не расстраивай сама себя. Но что ж делать, наверно, наша судьба такая.

Вот все. До свидания. Целую вас всех. Ваш брат Арсений. Пиши. Жду.

29.12.1942 г.

От редактора:

Да, Арсений думает о жене Марусе и маленькой дочери, которые остались в блокадном городе. Вот им бы надо помочь, не ему... Маленькая Лорочка уже давно не маленькая. Лариса Арсеньевна – интересный человек, да и просто – красивая женщина... В её сердце всегда живет память об отце.

Светлана Афанасьевна Власова,
учитель начальных классов

Это страшное слово «БлокАда».

Как объяснить, как рассказать детям XXI века о тех страшных 900 днях и ночах, которые пережили, выстояли и отстояли наш родной город, эти скромные люди, дети, взрослые – жители тех суровых зим и кошмара...

Как сегодняшним восьмилеточкам тронуть душу, расшевелить чувства, зажечь «огонёк» гордости за наш великий народ с могучим именем «петербуржцы»?

Все эти короткие «как?» встали передо мной накануне даты полного снятия блокады Ленинграда.

Дети просмотрели слайды и прослушали интересную лекцию «Дорога Жизни», сделали стенд «Камни не молчат», выучили стихи Ю. Воронова, Р. Рождественского, прочитали с обсуждением рассказ Ю. Яковлева «Девочка с Васильевского острова». Я почувствовала: надо, чтобы дети соприкоснулись с чем-то живым из того времени, чтобы они услышали «живую» правду из уст настоящего очевидца, услышали голос «оттуда», из тех «900 дней и ночей».

Я вспомнила Велицкую Валентину Петровну – чудного человека, петербурженку. Она, учитель начальных классов, воспитала огромное количество ленинградских мальчишек и девчонок, учила их писать, читать, быть добрыми и очень любить свой город. Более сорока лет она отдала замечательному труду педагога.

Ей было 4,5 года, когда началась Великая Отечественная война. Мать её, Нина Константиновна, работала санитаркой в одной из больниц города, жили они в районе железнодорожной станции Удельная, на Костромском проспекте.

Отца призвали в армию, после ранения при обороне Ленинграда он умер в госпитале. Вся тяжесть военных лет легла на плечи Нины Константиновны и маленькой девочки Вали. В доме они жили одни – все эвакуировались, уехали.

В 1943 г. Валя сильно заболела брюшным тифом. Болезнь оказалась сильнее маленькой девочки. Вскоре врачи потеряли малейшую надежду на её выздоровление. Она лежала совершенно одна, в тёмной палате, накрытая суконным одеялом и умирала, умирала очень тихо... Мама пешком, проделав огромный тяжёлый путь от дома до больницы, пришла и сказала врачам: «Я заберу её домой, пусть умирает дома моя девочка...». Полотенцем привязала Валечку к себе и пешком в обратный путь до Удельной.

И чудо свершилось! Мама узнала, что в Озерках у одной из женщин выжила коза. Собрав всё самое ценное, что оставалось в доме (меховой воротник от пальто, пуховая шаль), она выменяла это на один стакан козьего молока! По одной ложечке в день! И Валюша открыла глаза.

Я сама слышала эту историю из уст Нины Константиновны.

А потом Валя окончила школу, педагогическое училище им. Некрасова и сорок с лишним лет отдала юным жителям Петербурга.

И сегодня, когда она пришла в гости к нам во 2 «В» - вдруг стало тепло, уютно, спокойно от присутствия и общения с этой прекрасной петербурженкой – жительницей блокадного Ленинграда. Разговор при свечах был долгим. Дети слушали, плакали, радовались, благодарили и задавали вопросы:

- Какого роста была Ваша мама?
- Расскажите подробно об отце!
- Кто из близких выжил после блокады?
- Почему Вы выбрали профессию учителя?

И много, много вопросов. И слова искренней детской благодарности:

- Живите долго-долго! Будьте всегда здоровой!

- Мы желаем вам спокойной и хорошей жизни до 130 лет!

И я поняла, какие чудесные эти маленькие девчонки и мальчишки, их сердца способны любить, сопереживать, сочувствовать, радоваться, дарить добро... Дай, Боже, если это в твоей великой власти, мира и счастья этим маленьким петербуржцам.

Вот строки из сочинений моих детей:

Я запомнил, что в блокаду погибло очень много людей от холода и голода. Дети и взрослые защищали свой город. На крышах они гасили бомбы с зажигательной смесью. Ленинградцы, несмотря ни на что, не пустили в свой город фашистов. Они выдержали блокаду и победили.

А. Романов

У нас проходил урок, посвящённый 65-й годовщине полного снятия блокады. К нам пришла прожившая блокаду Валентина Петровна. Я была удивлена спокойствием и самопожертвованием наших людей. Мне, как и моим одноклассникам, очень тяжело слушать рассказы тех ужасных дней. И я не хочу, чтоб эти дни повторились.

Евгения Мартиросова

Блокада длилась 900 дней. Я рада, что родилась и живу в городе-герое. Я хочу, чтобы все страны мира дружили между собой.

Мария Потихонова

Сначала мне было непонятно, зачем кому-то нападать на Россию? Россия никому не делала зла. Я представляю, какое это было страшное время. Я надеюсь, что это никогда не повторится.

Татьяна Рыбак

Когда я слушала Валентину Петровну, я испугалась за неё. А когда мама её вылечила, я была рада за них. Я рада, что люди защитили наш город в то трудное время!

Мария Закудряева

Война – это голод, ужас и смерть. Я испытываю страх перед Великой Отечественной Войной. Люди, прошедшие через всё это, герои.

Даниил Богданов

Моей бабушке Галине было 4 года, когда началась война. Она, иногда, рассказывает мне о блокаде. Когда не было ни еды, ни тепла. Город бомбили. Здания рушились. На лестницах, в домах, на улицах лежали умершие люди.

Валерия Бабина

Я благодарна людям, которые пережили блокаду. Ведь ни один вражеский самолёт не приземлился на нашу землю. Слушая рассказы о блокаде, я еле-еле сдерживала слёзы. Я горжусь людьми, которые защитили наш город.

Яна Шалденко

Фашисты разгромили Бадаевские склады. Люди собирали сладкую землю, и варили «земляной» кофе. Варили столярный клей. Окна были завешаны одеялами и заклеены бумагой.

Даниил Паншин

Во время блокады и бомбёжек, город продолжал жить. Люди работали на заводах, дети ходили в детские сады и школы, в театрах ставились спектакли. Из-за нехватки еды и воды, люди брали воду из Невы, а ели хлеб с опилками. Важно, чтоб сохранилась память о тех днях.

Кирилл Кузнецов

Это было страшное время. Люди голодали, замерзали, умирали, теряли родных и близких. Те, кто выжили, это смелые и сильные духом люди.

Екатерина Плотникова

У многих людей в то время от голода не оставалось сил бороться за жизнь. И умирали они не от пуль фашистов, а от голода. Но им удалось отстоять Ленинград, и я благодарен им за это.

Кирилл Стремилев

27 января – День снятия блокады Ленинграда. 900 дней и ночей наш город сдерживал натиск врагов. Несмотря на голод и бомбёжку, люди не сдавались. Они верили в победу.

Артём Прокофьев

Сжимается сердце, когда я слушаю о блокаде. Там были и мои ровесники. Вечная слава и память герою!

Полина Зубович

Фашисты были очень жестокие люди. Они захватили уже много стран, а нашу - всё никак не могли. Они морили нас голодом, бомбили, но всё без толку. А когда мы ворвались в Берлин, Гитлер отравил себя и свою семью. И мы победили.

Иван Рябков

Когда жители города шли за продуктами, они выстраивались в огромные очереди за маленькими кусочками хлеба, который выдавали по карточкам. Хотелось бы, чтоб в наше время люди ценили хлеб, и не выбрасывали его на помойку.

Роман Шульга

Бондарь Елена Дмитриевна,
заместитель директора по ОЭР

Памяти горестных лет...

Не могу без боли читать эти детские сочинения. Для меня Блокада тоже не пустой звук. В те далекие годы мои бабушка и дедушка с дочерьми жили в блокадном Ленинграде... выживали, а дедушка Иван Иванович Мартюшов преподавал физику в школе №306. Их взрослые сыновья воевали, а младший сын Дмитрий Иванович, мой отец, защищал наш город, защищал Дорогу Жизни.

В те суровые годы, чтобы выжить, сжигали мебель, книги, но самые ценные экземпляры, подлинные шедевры и даже немецкой литературы были сохранены...

Мои мама и папа оба получили медали за оборону Ленинграда. А вся мамина родня не дожидаясь до победного дня – все погибли в блокадном городе, оставив её сиротой. А начинала она ещё совсем девочкой в 1941 году работать медсестрой в госпитале на Суворовском проспекте, который был разрушен под артиллерийским вражеским обстрелом и именно в день её дежурства. Она не погибла, потому что поменялась со своей подружкой. К той должен был приехать любимый... Я случайно узнала эту историю при совместном с мамой просмотре документального фильма о блокаде. В одном из кадров оператор запечатлел момент попадания снаряда в здание госпиталя...

В моем сердце всегда живет воспоминание о родителях, любимых маме и папе... Их памяти мы с ребятами создали сценарий о детях блокадного Ленинграда. Сначала читали рассказы Олега Шестинского, потом обсуждали, пытались инсценировать, подбирали стихи и музыку, создавали декорации... Выступали с инсценировкой перед ветеранами. В театрализованной композиции были заняты учащиеся разных возрастов: от 3 до 11 класса. Подготовка, репетиции и само выступление оказало на ребят неизгладимое впечатление, но для меня важнее всего был тот воспитательный облагораживающий эффект, после которого, я уверена, ни один из этих детей не позволит себе оскорбить или унижить старость. А гордость за свой любимый город, за свою страну?!

Предлагая сценарий вашему вниманию, необходимо несколько слов сказать об Олеге Шестинском:

Шестинский Олег Николаевич (28.01.1929, Баку - 2009) – писатель, поэт, переводчик, публицист.

Школьником пережил ленинградскую блокаду. Окончил в 1952 году филфак Ленинградского университета. В 1953 году стажировался почти весь год в Софийском университете. В 1971 - 1973 годах руководил Ленинградской писательской организацией.

**Театрализованная композиция к годовщине
полного снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 года**

(Стихи, песни, музыку можно варьировать в зависимости от интересов и пристрастий учащихся и их преподавателя. Лучше будет, если ребята сами примут участие в поиске и подборе литературного и музыкального материала.)

Чтец 1. (в образе А.Ахматовой): Ленинградскую беду
Руками не разведу.
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не
намеком, Я не словом,
не попреком, Я земным
поклоном
В поле зеленом
Помяну.

Музыка - танго "Утомленное солнце" (пара в стилизованных под 40-ые годы костюмах танцуют танго)

Чтец 2. Июнь! Клонится к вечеру закат,
И белой ночи разливалось море,
И раздавался звонкий смех ребят, -
Не знающих, не ведающих горя.
Июнь! Тогда еще не знали мы,
Со школьных вечеров к Неве шагая.
Что завтра будет первый день войны,
А кончится она лишь в сорок пятом, в мае.
И песня над родной неслась Невой,
Мы шли навстречу утру и смеялись,
Не знали мы тогда еще с тобой,
Что с детством мы и с юностью прощались.

(Продолжается музыка. На сцене справа - мама и сын собираются в лес, слева – чтец 3 в образе повзрослевшего сына)

Чтец 2: (голосом диктора радио) 22 июня гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. (Мама и сын замирают)

Чтец 3: В этот день мы были на даче и собирались идти в лес, когда узнали, что началась война...

Мама: Ты сможешь пообедать один в столовой? Мне срочно нужно в город (**сын** кивает головой) Вот тебе 3 рубля.

Чтец 3: Два несоизмеримых чувства овладели мной: весть о войне я воспринимал с долей детской восторженности, - ведь сейчас наши танки, пехота ринутся на врага, и он полетит вверх тормашками; и вторая - сегодня я сам буду обедать, как взрослый.

(В левом углу сцены стоит стол, к нему теперь подходит **официантка**, выстраивается очередь - 3 человека, малыш (**сын**) встает за **теткой**).

Сын: Вы последняя?

Тетка: За мной будешь. (Входит **парень**)

Парень: Малыш, скажи, что я за тобой. Я скоро подойду. А не скажешь - за мной подзатыльник. (**Сын** с презрением отворачивается)

Тетка: А ты что один?

Сын: Мама уехала за город.

Тетка: Что будет! Что будет! Напасть-то какая! Мой Вася на самой границе второй год служит.

Сын: Не беспокойтесь. Уже завтра мы будем бить врага на его земле.

Тетка: Ах, ты, моя кроха! (Гладит его по голове, малыш пытается увернуться, вбегает **парень**)

Парень: Он парень - молоток! За моей очередью следил.

Тетка: (обращается к малышу) Что брать будешь?

Сын: (выпалил) Винегрет с уксусом, селедку с луком и кислые щи.

Парень: К такому набору в самый раз кружка "Жигулевского".

Сын: Я никогда не пробовал...

Тетка: Не мути малому голову. Ты бы, миленький, кашу гречневую взял с молоком.

Официантка: А сколько у тебя денег?

Сын: 3 рубля.

Официантка: Ну, тогда и на компот с черносливом хватит.

Парень: На что он ему? (обращается к малышу) Ты лучше на два с полтиной поешь, а на полтину крючков купим — пойдем с тобой рыбу ловить.

Сын: А куда пойдем? (**Тетка** решительно поставила его впереди себя)

Тетка: Выбирай по преискуранту.

(Малыш садится за стол. К нему подходит **парень**)

Парень: Деньги остались?

Сын: 70 копеек.

Парень: Хватит! Доедай и пошли!

Сын: Куда?

Парень: В магазин.

Сын: Не пойду, передумал!

Парень: Почему?

Сын: А потому что война и не до развлечений!

Парень: Ну ты даешь!

Чтец 3: Я шел по парку домой и размышлял о том, что мама сейчас мечется по городу, занимаясь десятками дел, помня непрестанно обо мне. А я что? Я должен стать ей главной опорой на все дни, пока не разобьем немцев.

(Звучит музыка. *7 симфония Д.Шостаковича.*)

Чтец 4: Сорок первый — наш год призывной.

Небо стыло и плавился снег.

День и ночь мы дышали войной,

И в солдатах остались навек.

Чтец 3: Пусть от нашей победной весны

Мирным строем проходят года.

Я еще не вернулся с войны.

Я с войны не вернусь никогда. (Анатолий Чепуров)

(Громче звучит музыка.)

Чтец 1:

И та, что сегодня прощается с милым, -
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам.
Что нас покориться никто не заставит! (А.Ахматова)

Девушки в платьях, стилизованных под начало 40-х годов, поют:

(«Прощание», сл.Ф.Кравченко, муз. Т.Хренникова)

Иди, любимый мой, родной!
Суровый день принес разлуку.
Враг бешеный на нас пошел войной,
Суровый враг на наше счастье поднял руку.
Иди, любимый мой, иди, родной!
Враг топчет мирные луга.
Он сеет смерть над нашим краем.
Иди смелее в бой, рази врага!
Жестокий дай отпор кровавым хищным стаям.
Иди смелее в бой, рази врага!
Как дом, в котором ты живешь,
Оберегай страны просторы.
Завод родной, сады, и лес, и рожь,
И воздух наш, и степь широкую, как море,
Храни, как дом, в котором ты живешь.
(Звучит метроном.)

Чтец 5: На печке и на стенах лед, молчит все время репродуктор.

Блокада. Сорок первый год. Сегодня выдача продуктов.
Никак не выйти в магазин, хотя он с нашим домом рядом.
На улице совсем вблизи ложатся снова артснаряды.
Мороз опять сковал меня. Во что бы потеплей одеться?
Живу на линии огня и не могу никак согреться...

(На сцене слева появляется фигура голодного замерзающего мальчика (**сына**).
Сделав несколько шагов, он падает, сворачиваясь калачиком. Справа выходит
военный с рюкзаком. Что-то останавливает его в фигуре лежащего ребенка.
Приподнимает его, берет на руки, сажает на скамейку)

Военный: Тебе лучше? Ты можешь идти?

(Мальчик кивает головой. **Военный** из рюкзака достает лепешку, дает мальчику. Тот
хочет поднести ее ко рту, но не может – нет сил.)

Военный: Где твой дом? (Он помогает мальчику идти)

(Сцена уже представляет собой комнату, где живет мальчик. Он смотрит на
лепешку. Входит **мама**. Мальчик пытается спрятать лепешку. Мама зажигает
свечку)

Мама: Добрый вечер! Ты что-нибудь ел? (Мальчик кивает головой). Ну тогда давай
спать - завтра много работы.

(Утро). **Мама:** Доброе утро! Пора вставать. Пойду поставлю чайник.

(Мальчик смотрит вслед уходящей маме, достает лепешку и быстро бросает ее в мамину сумку. **Мама** входит с чайником, ставит его на стол, надевает белый халат, берет сумку и со словами "Извини, мне надо торопиться" выходит.)

Сын: (в правой стороне сцены) Мама работала врачом. Она сделала обход больных и целый день занималась привычными делами, а незадолго до конца работы полезла за тетрадкой в сумку и вынула изумленная лепешку.

(Справа одновременно с текстом мальчика выходит **мама** в белом халате, достает лепешку из сумки, молча вглядывается в лица зрителей, как бы спрашивая: **Кто?** Затем, растерявшись, говорит: Спасибо!)

(Опять комната. Входит улыбающаяся мама. Обнимает мальчика. Достает из сумки лепешку, протягивает ему: Это тебе! Растерянный мальчик сначала не хочет брать)

Мама: Что с тобой? Бери-бери... (Мама встает, выходит за чайником. Мальчик берет нож и разрезает лепешку на 4 части. Входит мама. Молча смотрит на сына)

Сын: Это - тебе, мама. Это - отвезем бабушке. Это - мне, а это моему другу - он умирает.

Мама: Ну что же... Так и живи...

Парень: О, детство!

Нет, я в детстве не был.
Я сразу в мужество шагнул,
Я молча ненавидел небо
За черный крест, за смертный гул.
И тем блокадным днем кровавым
Мне желтый ивовый листок
Казался лишь осколком ржавым,
Вонзившимся у самых ног.
В том городе, огнем обвитом,
В два пальца сатана свистел...
Мне было страшно быть убитым...
Я жить и вырасти хотел!

(Олег Шестинский)

(Музыка. И.Брамс Симфония №3, часть 3. Стихи читаются на фоне музыки)

Чтец 1: Щели в саду вырыты,

Не горят огни.

Питерские сироты,

Детоньки мои!

Под землей не дышится,

Боль сверлит в висок,

Сквозь бомбежку слышится

Детский голосок.

Постучись кулачком - я открою.

Я тебе открывала всегда.

Я теперь за высокою горою,

За пустыней, за ветром и зноем,

Но тебя не предаю никогда...

Твоего я не слышала стона.

Хлеба ты у меня не просил.

Принеси же мне веточку клена

Или просто травинок зеленых,

Как ты прошлой весной приносил.

Принеси же мне горсточку чистой,

Нашей невской студеной воды,

И. с головки твоей серебристой
Я кровавые смою следы. (Анна Ахматова)
(Музыка Брамса звучит громче.)

(Выходит девочка, замотанная в платки, с ведром на санках. К символической проруби подходят люди с бидонами, ведрами, стоят в очереди набирают и уходят со сцены.)

Чтец 4: (В .Вольтман-Спасская)

Я в гору саночки толкаю. Еще немного и конец.
Вода, в дороге замерзая, тяжелой стала, как свинец.
Метет колючая пороша, а ветер каменит слезу.
Изнемогая, словно лошадь, не хлеб, а воду я везу.
И смерть сама сидит на козлах, упряжкой строною горда...
Как хорошо, что ты замерзла, святая нельская вода!
Когда я поскользнусь под горкой на той тропинке ледяной,
Ты не прольешься из ведерка, я привезу тебя домой.

Девочка: (глядя в ведро) Вот так всегда. А как хочется поймать золотую рыбку и попросить у нее мешок пшена. Тогда бы мы и на завтрак, и на обед, и на ужин ели бы одну пшеничную кашу... Но ее нет... (Устало тащит санки с ведром дальше)

(На сцену выходят младшие школьники и исполняют песню из к/ф «Зеленые цепочки», сл.В.Коростылева, муз. И.Шварца.)

В далеком тревожном военном году
Под гром батарей, у страны на виду
Стояли со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда - 2 раза
На парте осталась открытой тетрадь.
Не выпало им дочитать, дописать,
Когда навалились на город
Фугасные бомбы и голод - 2 раза
И мы никогда не забудем с тобой
Как наши ровесники приняли бой, -
Им было всего лишь тринадцать,
Но были они ленинградцы. - 2 раза

Чтец 2: А в нашей шестикомнатной квартире,
Где из шести - разрушено четыре,
Жильцов осталось трое: я да ты,
Да ветер, дующий из темноты...
Уносит смерть мужей, детей, отцов...
Что ж, мы хороним наших мертвецов, -
Ведь это тоже сила и победа –
В такие дни похоронить соседа!
На метр вглубь промерзшая земля
Не поддается лому и лопате.
Пусть ветер валит с ног, пускай прохватит
Сорокаградусною стужей февраля.
Пускай к железу примерзает кожа,
Молчать я не хочу и не могу,

Через рогатки я кричу врагу:
Проклятый! Там ты коченеешь тоже.
Мы выморозим, выморим, как вшей,
Тебя из отвоеванных траншей!
Ты это хорошенько все запомни,
И детям ты и внукам закажи
Глядеть сюда, на эти рубежи...
Да, ты пытал нас мором и огнем,
Да, ты бомбил и разбомбил наш дом,
Но разве мы от этого бездомней?
Ты за снарядом посылал снаряд, -
И это восемь месяцев подряд, -
Но разве ты нас научил бояться?
Нет, мы спокойнее, чем год назад.
Запомни: этот город - Ленинград,
Запомни: эти люди - ленинградцы!
Да, Ленинград остыл и обезлюдел,
И высятся пустые этажи,
Но мы умеем жить, хотим и будем.
Мы отсталяли это право - жить.
Здесь трусов нет, здесь не должно быть робких,
И этот город тем непобедим,
Что мы за чечевичную похлебку
Достоинство свое не продадим.
Есть передышка - мы передохнем,
Нет передышки - снова будем драться
За город, пожираемый огнем,
За милый мир, за все, что было в нем.
.. за милый мир, за все, что будет в нем,
за город наш, испытанный огнем,
за право называться ленинградцем! (Александр Межиров)

(Прокофьев. Позывные "Ромео и Джульетта" №19)

Чтец 3: Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество на не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, -
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем.
Навеки! (Анна Ахматова)

(В глубине сцены стол и продавец. Зима. Входят мама с дочкой. Останавливаются, не доходя до продавца. Мама молча смотрит на дочь, которая нехотя отдает несколько книг, одну все же оставляет, прижимая к себе. Выходит **Чтец 4** с книгами на край сцены)

Чтец 4: В букинистических магазинах шла оживленная торговля: людям нужны были деньги. За фантастические цены у спекулянтов можно было достать кое-что из съестного.

(Остановившись около мамы с дочкой, чтец решает их обойти и обменять книги на деньги. Наконец и они решаются подойти к продавцу. Тот рассматривает книги. Девочка (дочка) решительно кладет на стол оставленную себе книгу. Продавец перекладывает книги, подсчитывает стоимость на счетах)

Продавец: К сожалению, эту книгу мы принять не можем.

(Возвращает именно ту книгу, которую дала девочка, и отдает деньги. Мать берет деньги и переглядывается, улыбаясь, с дочкой. Выходят из магазина. В это время заходит мальчик, который явно хотел погреться, стучит валенками нога об ногу. Следом за ним женщина с книгой)

Продавец: Что у вас?

Женщина: Мопассан.

Продавец: Затоварены им. Не принимаем.

(Она медленно идет к выходу. Продавец с книгами уходит. Теперь это улица.

Мальчик хочет остановить женщину)

Мальчик: Простите, вы продаете Мопассана?

Женщина: Откуда ты знаешь, что это Мопассан?

Мальчик: Я был в магазине...

Женщина: Отчего же ты не спросил там?

Мальчик: Мне было неудобно.

женщина: Почему?

(Мальчик смущенно отворачивается)

Женщина: Ну, все-таки почему?

Мальчик: Потому что он пишет... о любви...

Женщина: Ну и что же тебя смутило?

(Мальчик молчит)

Женщина: Чудак! Знаешь, почему мы с тобой выжили прошлой зимой и эту еще живем?

Мальчик: Нет.

Женщина: Да потому что нас кто-то очень-очень любит! Правда?!

(Мальчик пожимает плечами. Женщина секунду раздумывает и отдает мальчику книгу. Убегает, чтобы не передумать. Растерявшись, мальчик делает движение в сторону женщины)

Мальчик: Спасибо.

(Звучит музыка Вивальди. Концерт ля минор для скрипки)

Чтец 5: Маме - сорок, а мне - лишь 13;

За окошком обстрел все сильней,

Но сегодня могу я признаться,

Что мы были счастливыми с ней.

Вижу зримо такую картину:

Когда стало нам с мамой невмочь,

Фронтвик подарил нам конину

В новогоднюю смертную ночь.

И картофельные очистки

мы в конину кладем как гарнир;
и обстрел дальнотойный фашистский
не смущает наш праздничный пир.
Накаляется печь жестяная,
Как вулкан задымилась еда,
Вся такая хмельная-хмельная,
Незабвенная на года... (Олег Шестинский)

(Продолжение музыки Вивальди.)

Чтец 1: На развороченном пути стоит мальчишка лет пяти.
В глазах расширенных истома, и щеки белые, как мел.
Где твоя мама, мальчик?
Дома.
А где твой дом, сынок?
Сгорел.
Он сел. Его снежком заносит.
В его глазах мутится свет.
Он даже хлеб Ане попросит.
Он тоже знает: хлеба нет!

(Продолжение музыки Вивальди.)

Чтец 2: А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.
Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках узеньких, смешных
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных.
-... А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтинское кладбище везет.
Везет, качаясь, - к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца,
Погибшего на боевом посту.
Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев. (Ольга Берггольц)

(Звучит музыка. Моцарт концерт №21 до мажор для фортепьяно с оркестром.)

Чтец 3: Блокадной зимой не верилось, что когда-нибудь наступит весна. Но она пришла, сияющая, яркая. Солнце слепило в глаза. Улыбалось синее небо. И на Невском, словно в деревне на завалинке, на солнышке грелись люди, сидя кто на развалинах, кто на ступеньках, кто на бочках с песком для тушения зажигалок. Почти сплошь женщины, старые или молодые, не всегда разберешь, - те же истощенные лица. И дети. Вывозили их - вывозили из города, сперва на поездах; потом Дорогой Жизни по льду на машинах. А все же остались в городе - вон их сколько выползло на

солнышко. И почти у каждого в руках веточка хвои. Из нее варили настой - лучшее средство от цинги.

(Девочка1 ведет ослабевшую девочку 2 к краю сцены, усаживает. Бабушку ведет Девочка 3 и Девочка 4. Они присаживаются на "скамейку". Выходит и взъерошенный мальчик)

Девочка1: Ты знаешь, что скоро будет 1 мая?

Девочка 2: Да-а? У нас?

Девочка1: (важно) И у нас. У тех, кого календари есть.

Девочка 3: Ну что ты болтаешь? При чем тут календари? Вообще у всех. И не скоро, а недели через две, не раньше.

Девочка 4: Интересно, где сейчас те звери?

Все: Какие звери?

Девочка 4: Ну те, которых из зоосада раздали по домам.

Мальчик: Что? Зверей по домам?

Девочка 3: Никогда я такого вздора не слышала. Взяла бы ты домой тигра?

Девочка 1: Или бегемота? На свою кровать положила бы, да?

Девочка 3: А главное, чем бы ты их стала кормить?

Девочка 4: Тогда еще не было голода. Их от бомбежки спасали. Из ботанического сада растения и то сотрудники брали к себе домой.

Девочка 3: Точно. Мне мама рассказывала, что их брали домой, чтобы не померзли, которые редкие. Они же живые, растения.

Девочка 4: Ну вот. А звери еще живее.

Мальчик: Точно... Зверей живее. Но домой крокодила... он бы тобой и без голода пообедал. Нет, ты все-таки дура!

Девочка 4: Сам больно умный! Ничего не понимаешь, так и молчи. (Мальчик проходит через всю сцену, дразнит языком)

Мальчик: Да их просто на большую землю вывезли. Зверей-то! Вот!

Девочка 1: Вы, девочки, Саньку не ругайте. У него все умерли потому что... и мама, и братишки. А папа на фронте... Погиб, наверное. Писем-то нету. Вы из другого двора, вот и не знаете.

Девочка 3: Писем никому нету.

Девочка 2: Почта же не работает. Все почтальоны на фронт ушли. А некоторые тоже...

Девочка 3: Почему же он не в детском доме?

Девочка 1: А он с бабушкой живет.

Девочка 4: С бабушкой? А говоришь - все?

Девочка 1: А остальные-то все, мама и братишки...

Девочка 2: Двое, один старше, другой младше... Где они? Нету.

Бабушка: Ишь ты, раскричались!

Девочка 3: Ой, комарик прилетел!

Все: Комарик! Вот здорово!

Звучит сирена.

Женщина: Дети, домой!

(Ребята окружают ее. Бабушка встает при помощи внучки).

Бабушка: Детей гоним, а сами? Стоим, сидим, как все равно статуи неподвижные. Самим, того и гляди, бомба в рот влетит. Ничего, авось не подавимся. В крайнем случае, проглотим!

Чтец 3: Вот так, не сдаваясь, под гул взрывов фашистских бомб и снарядов жил наш город. Да, город жил, неся чрезмерные потери, переживая нечеловеческие муки и проявляя высшую меру человеческого достоинства, мужества.

И вот уже позади 18 января 1943 года, когда блокада Ленинграда была прорвана. В феврале пришел первый поезд с Большой земли, а в октябре в последний раз фашистская авиация сбросила последние 90 бомб на наш любимый город. Все позади.

(На сцену выходят все участники театрализованной композиции и построчно читают стихотворение Н.Крандиевской-Толстой. Последнюю строку все вместе.)

- День странно тихий
- Он такой, каким давным-давно уж не был.
- И мы как воду пьем покой непо тревоженного неба.
- Нам тишина - почти обновка, почти что возвращенный рай,
- Уже на прежних остановках спокойно люди ждут трамвай.
- И гусеница ребятишек по солнцу в ближний сквер ползет.
- Теперь ничто их не вспугнет.
- Капель одна с весенней крыши
На них, быть может, упадет.
- О, город мой! Дышать мне вольно,
- В лицо мне веет ветер твой.
- Что ж мне не весело, а больно глядеть в просторы над Невой?
- И думать пристально, бесцельно о тех, кого я не верну.
- Кто пал за Пулковое,
- за Стрельну,
- За нас,
- за эту тишину...

(Звучит музыка, зажигают свечи.)

Чтец 2: Вспомним всех поименно,
Сердцем вспомним своим.
Это нужно не мертвым –
Это нужно живым! (Р.Рождественский)

Чтец 1: Вот о вас и напишут книжки:
"Жизнь свою за други своя",
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!
А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. (А.Ахматова)

Композицию лучше всего закончить хоровым пением участников и зала, исполняя ленинградскую песню «Город над вольной Невой»

Ерина Мария, ученица 11 класса

Моя семья и блокада

«И та, что сегодня прощается с милым,-
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы дети клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!»

Анна Ахматова

Наверное, нет ни одной семьи, которой бы не коснулась Великая Отечественная война.

Вот так и в истории моей семьи есть факты и события, которыми я бы хотела с Вами поделиться:

Мой прадед, Гуцин Михаил Васильевич, ушел на войну добровольцем, закончив только первый курс университета. 8 июня 1941 года он был зачислен в стрелковый полк наводчиком орудия. Уже через два месяца он стал командиром пулеметного отделения 296-го стрелкового полка и провоевал на нем до 12 декабря 1941 года. Именно тогда, в бою под Ленинградом, прадед был тяжело ранен и попал в Ивановогоспиталь. После госпиталя, с июля 1942 по май 1943 гг., прадед командовал отделением в 384-м запасном стрелковом полку. Когда рана совсем затянулась, прадед вернулся в состав основных войск и с мая 1943 по ноябрь 1945 гг. воевал в 214-м артиллерийском полку командиром орудия. Он прошел Ленинградский фронт, Степной фронт, на Курской дуге, через Молдавию, Болгарию, Венгрию, Румынию и дошел до Победы. Начав войну в звании рядового, прадед победил в звании старшего сержанта. Указом президиума Верховного Совета от 25.9.1945, прадед был демобилизован в ноябре 1945 г. и вернулся домой в тогда еще Ленинград. За проявленное мужество и героизм, прадед был награжден медалью «За отвагу» (в 1943г.), Орденом «Славы» третьей степени (в 1944г.), медалью «За победу в ВОВ» (в 1945г.).

Мои прабабушки, Нина Ивановна и Алевтина Кирилловна, всю войну находились в Ленинграде. Нина Ивановна была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Прямо со студенческой скамьи, она ушла добровольцем в МПВО и получила звание младшего сержанта. Обе они познали весь ужас блокады: бомбежек, голода, холода и страха перед завтрашним днем. В те страшные 900 дней погибли многие, среди них и мои прапрадед и прапрабабушка, которые умерли от голода в 1942 г. и похоронены на Пискаревском кладбище.

Я знаю, что таких примеров, как у меня, – миллионы. Но я горжусь, что благодаря таким людям, как мои прадеды и прабабушки, наша страна одержала победу над фашизмом.

Давыдова Наталья,
ученица 11 класса

Это наша боль

В конце декабря мы всей семьей праздновали Новый Год. Я решила взять с собой гитару, чтобы мой дядя Дима мог насладиться игрой. Уже к концу вечера он взял у меня гитару и начал играть что-то маршевое.

И запел:

«Победители возвращались еще в 41-м году,
когда вороны предвещали лишь разлуку нам и беду.
Когда пламенем освещались наши древние города,
Победители возвращались, возвращались уже тогда.

Шли они, костылями распяты, рукава заткнув за ремень,
Не воинственные ребята – большей частью из деревень.
Возвращались к родным колодцам, по родным большакам брели,
Большой частью не полководцы – рядовые своей земли.

Шли по шелку июльской пыли, и была им земля горяча.
Ах, как женщины их любили! Ах, как плакали по ночам!
Будто снова они, прощаясь, оставались навек одни.
Победители возвращались – мы не знали, что это они.

Мы не знали, что у победы, как и в песне всегда есть тот,
Кем начало ее пропето, а не только, кто допоеет.
И печальные мы все ждали, и не смели сказать о ней,
Те, вернувшиеся без медалей, **ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ...**»

Когда звучала эта музыка, когда я слышала эти слова, у меня в глазах стояли слезы. Настолько сильно меня взяла за душу эта песня. Я словно сама видела этих людей, словно чувствовала, как им больно. Такие яркие образы стояли перед глазами. Очень сложно передать словами все, что так хочется написать о героях, отдавших свою жизнь за все: за наш город, за светлые чувства, за Родину, за нас, еще не родившихся в то время.

К 27-му января мы в школе делали газету по истории. 4 человека вместе со мной остались в классе, чтобы искать материал, чтобы рисовать. Сейчас я помню, как мы выбирали литературное произведение. Мы нашли блокадные новеллы, в которых рассказывалось о бесчеловечном и трогательном, о преодолении и слабости, о жестокости и любви.

Сейчас мне 17 лет, через несколько месяцев я закончу школу. И сейчас понимаю, что в те далекие годы ребята моего возраста насмерть стояли за СВОЮ Россию.

Соломатина Лариса Николаевна,
учитель физики и астрономии

О «катюшах» и не только...

В программе физики 9 и 10 классов при изучении темы «закон сохранения импульса тела» мы говорим о реактивном движении, которое проявляется и в живой природе, находит широкое практическое применение в реактивной артиллерии, в авиации и космонавтике.

Следует отметить, что еще в 1921 году разработчики газодинамической лаборатории Р.И. Тихомиров и В.А. Артемьев приступили к разработке реактивных снарядов на бездымном порохе.

В 1929-33 годах Б.С. Петропавловский и другие разработчики уже испытывали прототипы снарядов для «катюши» - это неофициальное собирательное название боевых машин реактивной артиллерии. В 1937-1938 годах эти реактивные снаряды были приняты на вооружение военно-воздушными силами СССР. В 1938-1941 годах была создана многозарядная пусковая установка, смонтированная на грузовом автомобиле, и 21 июня 1941 года, за несколько часов до начала войны, было подписано постановление об их серийном производстве.

26 июня 1941 года на заводе имени Коминтерна в Воронеже была завершена сборка первых двух серийных пусковых установок БМ-13 на шасси ЗИС-6. На следующий день установки были отправлены своим ходом в Москву, где 28 июня после успешно проведенных испытаний они были объединены с пятью ранее изготовленными в РНИИ установками в батарею для отправки на фронт. Экспериментальная артиллерийская батарея из семи машин под командованием капитана И.Флорова была впервые использована на железнодорожном узле города

Орша 14 июля 1941 года. Эта батарея своим залпом уничтожила железнодорожную станцию, где скопилось огромное количество советских эшелонов с топливом и боеприпасами, чтобы они не попали к врагу. Затем батарея была взорвана, т.к. выйти из окружения возможности не было.

Первые восемь полков по 36 машин были сформированы 8 августа 1941 года.

Производство установок БМ-13Н было организовано на воронежском заводе им. Коминтерна и на московском заводе «Компрессор». Улучшенная модификация БМ-13Н была создана в 1943 году и до конца Второй мировой войны было изготовлено около 1800 таких орудий.

Советская промышленность в июле 1941 года – декабре 1944 года изготовила около 30 тысяч боевых машин «катюша» и свыше 12 млн. штук реактивных снарядов к ним. Реактивными системами БМ-13 и БМ-8 в первую очередь были вооружены гвардейские минометные части, входившие в состав артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. Поэтому «катюши» иногда неофициально называли «гвардейскими минометами».

В немецких войсках эти машины получили название «сталинские органы» из-за внешнего сходства реактивной установки с системой труб этого музыкального инструмента и мощного ошеломляющего рева, который они производили при пуске ракет.

Это оружие по устройству относительно простое, состояло из направляющих рельсов и устройства их наведения. Ракета же представляла собой сварной цилиндр длиной 1,8 м и несла 22 кг взрывчатого вещества. Однако поражающее воздействие на

небронированную технику и живую силу было намного сильнее, чем у немецкой ракеты. Оружие было неточным, но очень эффективным при массированном применении. Немаловажным был и эмоциональный эффект: во время залпа все ракеты выпускались одновременно, за несколько секунд территорию в районе цели буквально перепахивали реактивные снаряды. Мобильность установки позволяла быстро менять позицию и избегать ответного удара противника.

Во время прорыва блокады войскам Ленинградского, Волховского, II Прибалтийского фронтов и Балтийского флота противостояла группа армий «Север», которая насчитывала 741 тыс. солдат и офицеров, 10700 орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, а также 370 самолетов. В составе наших фронтов насчитывалось 1252 тыс. солдат и офицеров, 20183 орудий и минометов, 1580 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1386 боевых самолетов. Нашим войскам было необходимо преодолеть сильную оборону гитлеровцев, созданную ими за 2,5 года. И поэтому особая роль отводилась, конечно, «гвардейским минометам», которые перед началом наступления на каждом участке «обрабатывали» район цели. Но борьба за каждый немецкий опорный пункт требовала огромных усилий. Так за первые три дня наступления наши войска продвинулись лишь на 8-10 км. Несмотря на напряженно развивающиеся события 27 января 1944 года, противник был отброшен от Ленинграда по всему фронту на 65-100 км и в 20:00 часов в городе, на улицах которого 5 дней рвались вражеские снаряды, прогремели 24 залпа из 324 орудий.

Следует отметить, что и во время Берлинской битвы «гвардейским минометам», всей советской артиллерии была отведена особая роль. В 5 часов утра 16 апреля радист с командного пункта передал в эфир сигнал артиллеристам «Родина!» и

тысячи орудий и минометов тут же открыли огонь. Дали первый залп «катюши». Над нашими позициями небо запылало багровым светом, будто прежде времени возшло грозное солнце. Немецкие позиции потонули в пороховом дыму, тучах пыли и земли. По дальним целям, которые не доставала артиллерия, нанесли удар сотни бомбардировщиков. Тридцать минут град снарядов, бомб, мин сыпался на укрепления фашистов. За эти полчаса

со стороны неприятеля не раздалось ни одного ответного выстрела. Враг был в растерянности, замешательстве – наступил наилучший момент для начала атаки. Ну, а далее, меньше, чем через месяц была ПОБЕДА! НАША ПОБЕДА! И мы все от мала до велика будем помнить тех, кто завоевал эту победу. Вечно будем помнить.

Использованная литература:

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945г.
Краткая история.
Издание третье исправленное и дополненное.
Москва, Воениздат, 1984г.
2. А.В. Буров,
«Блокада день за днем. 22 июня 1941г. – 27 января 1944г.»
Лениздат, 1979г.
3. А.Митяев,
«Книга будущих командиров»
Изд-во «Молодая гвардия», 1974г.

Сергеев Валентин Алексеевич

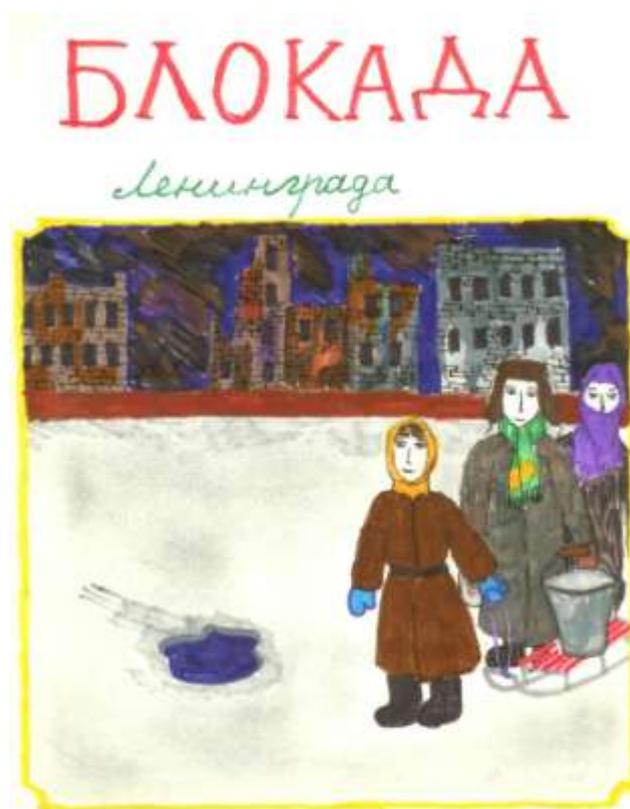
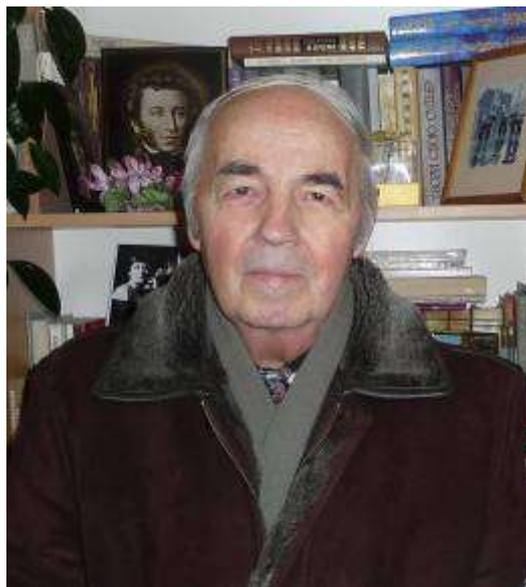
«Мой город»

Отрывки из II части поэмы, посвященной блокаде.

В то лето буйная сирень
Огнями радуги пылала,
Нектаром терпким опьяняла
Влюбленных. Белой ночи сень
С небес янтарно-золотистых
На город плавно опускалась
И в лонах вод кристально чистых
Земною сказкой отражалась.
В той доброй сказке школьный бал
Кружится в вальсе над Невой
И новый день в права вступал,
Любуясь утренней зарею.

Ужасный день. Наш черный день.
Беды его зловещий тень
Ползла от западной границы
Там в небе вспыхнули зарницы
И в ужасе вскричали птицы,
И в миг оглохла тишина,
Ворвалась в нашу жизнь война.
Возглавил бойню сатана,
Он, мнимый властелин вселенной,
Тиран, создавший Рейх нетленный.
Под ним стонала вся Европа,
Но волны хищного потопа
Маньяк направил на Восток
И этот гибельный поток,
Как бездна жизни поглощал
И кровью жертв своих питался.
Маньяк победой наслаждался,
Порядок новый утверждал
И высшей расой восторгался.

Меж тем, коричневое зло
Паучьей свастикой ползло,
Сетями смерти обвивало
Поверженные города,
В погосты села превращало.
Но та нежданная беда
К врагу нас грудью развернула,
На грани роковой черты
Нам осознанье правоты
В сердца поникшие вдохнула.

Здесь на Балтийском берегу
Мы преградили путь врагу,
Телами павших устилая
Поля сражений. Наш боец
Попав под гибельный свинец,
Судьбу как рок воспринимая,
Живым Победу завещая,
На поле битвы роковой
Пал с несклоненной головой.
На место павшего другой
Солдат вставал на смертный бой.

И день и ночь кипела битва.
Добро со злом сражалось в ней.
В наказах жен и матерей,
Как заклинанье, как молитва,
Звучал призыв военных дней:
«Спаси нас, воин, от зверей,
Убей чудовище, убей!»
Суров закон войны кровавой:
Сразить врага-святое право,
И делу правому верны
Мы были на полях войны.

Нашествие багровым мраком
Накрыло царские дворцы
И содрогнулись их творцы.
Самсон слезами гнева плакал
Когда пылали, словно факел,
Творенья разума земного
И мастерства искусных рук.
Судьба жестоко и сурово

А стало пеплом и золой.
Многострадальный город мой,
Казалось день твоей кончины
Был предрешен на небесах.
Еще один налет лавины-

Замкнула жизненный их круг.
И погибали в боине страшной,
Схлестнувшись в схватке рукопашной,
Запомнив мирный день вчерашний
И веря в новый светлый день.
Но беспощадной смерти тень
На город в небе наплывала
И бомба первая упала.
В костре ее большой беды
Сгорели хлебные склады,
Весь продовольственный запас
Спалил безжалостный фугас.

На скорбном черном пепелище
Дымилось то, что было пищей,

Ты превратишься в пыль и прах
И волны Балтики сомкнутся
Над малой Родиной моей.
Земные дни твои прервутся
И в скорбной памяти людей
Погибшей жизнью отзовутся.

Жизнь нашу на весах Фемиды
С судьбой погибшей Атлантиды
Уравновесил зверь-маньяк,
Но просчитался хищный враг.
Блицкриг позорно провалился
И марш победный с темпа сбился,
А пригласительный билет
В Асторию на бал-банкет
В честь мнимых варварских побед
Захватчикам не пригодился.

Тогда фашист в бессильном гневе
Всю злобу, что копил во чреве,
На город бедами обрушил.
Стальным кольцом с воды и с суши
Войсками город окружил
И всех, кто в нем в то время жил,
Замуровал в своих жилищах,
Без света и тепла и пищи.

Бандитский, варварский прием-
Враг методично, день за днем
Мой город выжигал огнем
И не рискуя ошибиться,

Пробрался сквозь кольцо блокады.
Посты, заставы и засады,
Прифронтовых полос преграды
Неудержимою волной
Нахлынул беспросветной мглой.
На город ночь-беда упала,
В нем в ледящей тишине

Бомбил и школы, и больницы.
И за снарядом слал снаряд,
Чтоб боль усилить во сто крат
В застывших в ужасе ребят,
В притихший в страхе детский
сад.

И в обезумевших от горя
На смерть готовых матерей,
Спасаящих своих детей.
Свой смертный приговор оспоря,
За жизнь сражался город мой.
Морозной снежною зимой
Свирепый холод ледяной

Тревожно вьюга завывала
 И тщетно жизни свет искала
 Она в зашторенном окне.
 Застыли серые громады
 Жилищ, где человек спасался
 От пыток ледяной блокады.
 Он не вымаливал пощады,
 Надеждой выжить согревался.
 Та ночь, казалось, будет вечной,
 А пытка стужей бесконечной.
 Сжимал тисками сердце страх
 Быть замурованным во льдах,
 В промерзших четырех стенах.

В продрогшем склепе ледяном
 В ожившей радио-тарелке
 Считал секунды метроном
 И те невидимые стрелки
 Мгновенья жизни отмеряли,
 И люди верили и знали,
 Что город жив, не сдан врагам.
 Что к вольным невским берегам
 Зверью во веки не добратся,
 Что сил еще хватает нам
 Захватчикам сопротивляться.

Но ночь томительно длинна,
 Опасностей она полна.
 Смолк монотонный метроном
 И замер в ожиданье дом
 Знакомый голос властно, строго
 Всех горожан оповестил:
 «Налет! Воздушная тревога!»
 И многократно повторил.

Надеждой робкой помогал
 Кошмары ночи пережить.
 Он мог могилой братской быть,
 Когда жестокой смерти шквал
 Дома с лица земли стирал,

Собрав в себе остаток сил
 При тусклом пламени свечей
 Пришли в движенье люди-тени,
 Свет, скорбный спутник тех
 ночей,

Во мгле нащупывал ступени.
 Они в убежище вели
 В спасательную глубь земли.

Пришельцев стужей встречал
 Сырой нетопленный подвал.
 Он временный приют давал,

Их в прах и пепел превращал.

О, ночь тревог! О, ночь мучений!
О, ночь кровавых преступлений!
В них жизнь, пройдя все круги ада,
Во глубине, на самом дне
Спротивлялась сатане.
И за упорство как награда,
Дарован новый тяжкий день.

Рассвета сумрачная тень
В пустынных улицах блуждала
И горожан сопровождала
В их героическом походе
За крохотным кусочком хлеба,
Пожары поднимали небо
И на багровом небосводе
Звезда надежды чуть мерцала.

Безмолвно очередь стояла
И хлеба теплого ждала.
Одно морозное дыханье,
Одно голодное желанье,
Судьба одна. Мечта одна.
На хлеб и жизнь одна цена
И общая для всех война.

А голод хваткою звериной
Объятая цепкие сжимал
И цену хлеба поднимал
До высоты непостижимой
Власть над людьми теряло злато,
бриллиантов блеск не восхищал.

А голод муки умножал,
Беззвучно проникал в жилища
И людям тщетно помогал
Искать в домах остатки пищи.
Потом с притворною любовью

Лишь тот был сказочно богатым,
Кто граммы хлеба получал
Кто хлебушек в руках держал.
Сто двадцать пять богатых грамм
с мякиной, жмыхом пополам
Как дар небесный принимали
В ладонях трепетно сжимали
Несли с волнением по домам
Там молча медленно жевали,
Чтоб зверский голод утолить,
И в холоде квартир мечтали
До теплых светлых дней дожить.

Вставал у жертвы к изголовью
И оды о еде слагал,
И в гости щедро приглашал
На пир к обильному застолью.
Недвижно жертва та лежала
И бессознательно жевала
Промерзший угол одеяла.

На ложе адского мученья,
Не веря чуду исцеленья,
Просясь с городом родным
И не завидуя живым,
Жестокий покидали мир.
Их прах из вымерших квартир,
Одетый в саван и печали,
Живые молча провожали.
Их от родимого порога
На саночках вела дорога
В обитель вечного покоя.
Свое страдание земное
В могилах братских хоронили
И умирали, как и жили,
Единой связаны судьбою.

В безмолвной ледяной пустыне
Бесшумно падал мягкий снег.
В ней осторожно, как по льдине,
Брел изможденный человек.
Свои дела, свои заботы,
Житейских дум незримый рой,
Возможно, он спешил с работы
К родным своим, к себе домой.
Был легче на Голгофу путь
И сердце молит отдохнуть.

Без сил на снег он опустился
И на мгновение забылся.
И чудо совершилось вдруг.
Пред ним в цветах зеленый луг.
Лучами солнечного света
Играет радугю лето
И вся земля теплом согрета.
И хлеба черного ломоть
Ему дарует сам господь.
Душа поет. На сердце праздник...
Но снег не таял на щеках,
Сверкал в натруженных руках.
И званье горькое Блокадник
За ним останется в веках.
Так скульптор-голод создавал
Свои печальные творенья
И нам на память оставлял

Блокады скорбные мгновенья.

Над Ладогой в свинцовых тучах
Гуляет буйный ветер злой
И рассыпает снег колючий
Над непокорною волной.
А город мой с надеждой ждет
Когда, когда мороз трескучий
Волну коварную скует,
Когда, же ляжет первый лед
И к нам спасение придет?
В те дни тревожных ожиданий
Судьбе молились мы, не богу.
Свою избрали мы дорогу.
Дорогу жизни. Эта нить
В любой момент могла прерваться,
Но за святое право жить
Мой город продолжал сражаться.

Сквозь снежный ладожский
буран,
Свинцовой смерти ураган
Машин груженных караван
Упорно в город пробивался,
Но хлебушка бесценный грамм
С народным горем пополам
Ценою жизни доставался.

Не раз в суровые те дни
На миг движенье прекращали,
У края черной полыньи
Седые головы склоняли
И в путь последний провожали

Товарища. А он в ответ,
Успев включить в машине свет,
Там, подо льдом, на гиблом дне,
В холодной мрачной глубине
Прощальный посылал привет.
И сумрака блокадных лет.
Напоминая горьких бед
Мерцает тот прощальный свет.

По льду окрепшему спасенье
Нас под обстрелами нашло.
От мук голодных исцеленье
В мой город фронтовой пришло.
«Дорога к Жизни» - так назвали
Из города ледовый путь.
От гибели детей спасали,
С надеждой робкой провожали,
Удачи им в пути желали,
В живых остаться умоляли,

Сном вечным в стужу не заснуть,
В пучине вод не утонуть.

О, сколько жизней молодых
От хищной смерти здесь спасали.
Их, беззащитных, чуть живых,
Заботам Родины вверяли.
Их в каждом доме принимали
Теплом сердечным согревали
Как дорогих детей своих.

В объятьях мирной тишины
Земля рассветы не встречала
Гремела музыка войны,
Бедой нашествия звучала.
В бравурном марше сатаны
Зло над добром торжествовало.
Коварный и надменный враг

Здесь, в городе, для всей страны
Симфония борьбы звучала.
Созвучна с роковой судьбой,
Она звала на смертный бой,
Победу в битве предвещала.

Надежда нам не изменила,
Но не иссякла вражья сила.
Петлей удушья город сжав,
Не разжимал кольцо удав.
И гибли люди в страшных муках.
Их перед вечною разлукой,

Исполнив ритуал прощальный,
В печи сжигали погребальной.
Их прах на дно озерных вод
Кирпичный хоронил завод
Огонь печей, беды военной,
Предвестник вечного огня,

По судьбам жертв, людским
страданиям
Печатал свой кровавый шаг,
Дав волю зверским злодеям.
И ужас в сердце проникал,
Кто этой музыке внимал
Под гром охрипшей канонады
В объятьях вражеской блокады.

Не вечен клич войны кровавой.
Жизнь, победившая в борьбе,
Увенчанная ратной славой,
Слагала мирный гимн судьбе.
Здесь, в пекле праведной войны,
Те звуки были рождены.

Тот пламень памяти священной
Пылает в сердце у меня.
И низко голову склоня,
Скорбят живые по погибшим
В блокаду голову сложившим
И за победу заплативших
Безмерно дорогой ценой,
Но отстоявших город свой.

Прошу вас, люди, не гасите
В сердцах печали тех огней.
Потомкам нашим сохраните
Святую правду черных дней.
Предсмертный стон на поле битвы,
Лавины гром, летящий с неба,
И шепот праведной молитвы,
И детский плач: «Дай, мама, хлеба!»
Ужасней пыток нет на свете
Умом и сердцем понимать
И видеть как родные дети
От мук голодных погибать
Обречены. Тогда их мать,
Устав молить и проклинать
И помощи от бога ждать
Детишек кинулась спасать...

...Но в главном просчитался враг,
Мы в том аду не озверели.
В апреле. В памятном апреле
Когда весенние капли
Нам эхом мирных дней звенели
Мы под обстрелами сумели
На миг, приблизив мирный май
Промерзлый воскресить трамвай.

В осаде битвы грозной час
Тянулся вечностью для нас.
Обезображенный войною
Мой город чистился весной.
Кто мог держаться на ногах
Блокадный убирали прах.
И город обретал порядок.
А помнится, что зелень с грядок
В бульварах, парках и садах
Горчила долго на губах.

Как прежде, майская сирень
Нектаром терпким опьяняла,
О мирных днях напоминала.
Из прошлого забытый день
Как праздник для души пришел
И пригласил нас на футбол.

Да, на футбол. На стадионе
На зеленеющем газоне
В спортивной зрелищной борьбе
Мы вызов бросили судьбе.
Вздыхнул с надеждой город наш,
Услышав бодрый репортаж.
Не знали мы, с судьбой играя,
Что этот день в победном мае
Закончит страшную войну.
Мир вновь услышит тишину.

Но пламя битвы роковой,
Не утихая, бушевало.
И смерть костлявою рукой
В дома блокадные стучала.
И людям наяву казалось,
Что предсказание сбывалось.
Пророков злобные проклятья:
«Быть пусту городу вовек.
Не может жить здесь человек.
Стихии жадные объятья
Окончат жизни бурной век».
В снегах промерзлых гулко пели
Блокадный реквием метели
Беды народной календарь
Заканчивал листать январь.
В девятисотый день страданий,
Борьбы, утрат и ожиданий
Свершилось чудо из чудес.
Из мертвых город мой воскрес
Настал суровый час расплаты.
В рост поднялись твои солдаты,
Шагнув в свинцовую пургу,
Ударив дерзко по врагу.

Сверхчеловек. Палач. Грабитель.
Европы грозный повелитель.
Арийской расы представитель
Трусливо запросил пощады,
Слетела спесь с его бравады.
В сраженьях показал нам спину
И драпанул домой, к Берлину.
Обратный бег врагов отмечен
Проклятьем и позором вечным.

Под их могильными холмами,
Под деревянными крестами
В земле зарыто вероломство.
Их расы избранной потомство
Не повторит кровавый пир,
Не осквернит насильем мир.
Развеян черный прах войны.
Ветрами Балтии суровой.

Сбылись ночей кошмарных сны-
К нам радость мирной жизни новой
Вернулась на крылах весны.
На светлом празднике победы
Сердца сжимали боль и беды
И горечь терпкая утрат.
Но жизнь не повернуть назад.
Но воскресить и тех солдат,
Что на полях войны лежат.
Кому нежданно повезло,
Кто выжил всем смертям назло,
Тот жизни был безмерно рад.
Мгновенна жизнь, но подвиг вечен.
Причастных к городской судьбе,
Всех павших в роковой борьбе
Храним мы в памяти сердечной.

На рубежах солдатской славы
Шумят зеленые дубравы.
В окопах дремлет тишина,
Где остановлена война.
Воздвигнуты мемориалы,
Хранители военной славы.

Жизнь - драгоценный дар судьбы.
Мой город в звездный час рожден.
В горниле роковой борьбы
Мужал и возрождался он.
Жизнь продолжает вечный бег.
В ее летящей колеснице
Мой современник-человек
К земному счастью стремится.

А счастье- это мирно жить
Под звездным небом над Невойю
И наслаждаться тишиною,
И быть любимым и любить,

И жизнь свою с твоей судьбою,
Мой город, воедино слить.
И праздник сердца сохранить.

И я судьбу благословляю
В немом восторге замираю,
Следя, как раннею весною
Кружатся чайки над волною.
Зимы минувшей талый лед
Нева в морскую даль несет
И каждый полдень пушка бьет,
Летящим дням ведет отсчет.
Мне все здесь близко, все
знакомо.
Мой город, я с тобой. Я дома.

* * *

Содержание

<i>Андреева Н.Н. Взгляд из XXI века</i>	1 стр.
<i>Горячая В.В. Никто не забыт и ничто не забыто</i>	3 стр.
<i>Пустькова Л.Н. Патриотическое воспитание</i>	9 стр.
<i>Савченко Л.М. Лицом к лицу с блокадой</i>	10 стр.
<i>Савонина В.М. Блокадное детство</i>	12 стр.
<i>Григорьева Л.А. Письма с фронта</i>	16 стр.
<i>Власова С.А. Это страшное слово блокада</i>	18 стр.
<i>Бондарь Е.Д. Памяти горестных лет</i>	21 стр.
<i>Театрализованная композиция к годовщине полного снятия блокады</i>	22 стр.
<i>Ерина Мария. Моя семья и блокада</i>	31 стр.
<i>Давыдова Наталья. Это наша боль</i>	32 стр.
<i>Соломатина Л.Н. О «катюшах» и не только</i>	33 стр.
<i>Сергеев В.А отрывок из поэмы «Мой город»</i>	36 стр.